

И. Я. Фроянов

СЕМЬЯ И ВЕРВЬ В КИЕВСКОЙ РУСИ

(ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Ю. М. РАПОВА)

Род, семья, община — сюжеты, относящиеся к числу наиболее популярных в русской исторической науке. Эти понятия рассматривались в трудах многих поколений дореволюционных и советских историков. В новейшей историографии Древнерусского государства вплоть до недавнего времени преобладала точка зрения Б. Д. Грекова, согласно которой господствующей формой семейных отношений на Руси X—XII вв. являлась малая, индивидуальная семья, а в сфере общинных связей доминировала территориальная община, подобная германской марке — вервь Русской Правды¹. Но вот М. М. Фрейденберг, обратившись к полицкой верви, сведения о которой послужили Б. Д. Грекову существенным подспорьем в его суждениях о древнерусской верви, указал на неправомочность отождествления вервной организации Полицкого статута с соседской общиной. «Подлинный характер верви, — отметил он, — можно понять, только угадывая в вервном коллективе общину, скрепленную как поземельными (соседскими), так и родственными связями»². Несколько позднее М. О. Косвен, заново пересмотрев материалы, касающиеся русской и полицкой верви, заявил, что и та, и другая — патронимия³, т. е. родственная группа, состоящая «из меньшего или большего числа отдельных, все же связанных между собой родственных семей, ведущих свое происхождение от одного общего предка, носящих общее патронимическое название и пр.»⁴. Патронимия, по словам М. О. Косвена, сохраняет известное хозяйственное, общественное и идеологическое единство и насчитывает две-три тысячи человек⁵.

Статья Ю. М. Рапова как раз и направлена против гипотезы М. О. Косвена, приравнявшей вервь Русской Правды к патронимии⁶. Автор уверен, что в домонгольской Руси не было ни патриархально-семейной общины, ни патронимии, а существовали малые семьи, объединявшиеся в соседские территориальные общины, именуемые вервью⁷. Ю. М. Рапов отрицает существование у восточных славян больших семей и патриархальных общин начиная с VI в. нашей эры⁸. Здесь он шагнул даже дальше Б. Д. Грекова, не рискувшего полностью перечеркнуть патриархально-семейный быт у восточнославянских племен в период, предшествовавший образованию Древнерусского государства⁹.

¹ Б. Д. Греков, Киевская Русь, М., 1953, стр. 87, 95.

² М. М. Фрейденберг, «Вервь» в средневековой Хорватии, «Уч. записки Велюкского пединститута», вып. 15, 1961, стр. 38.

³ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 133—160.

⁴ Там же, стр. 4.

⁵ Там же, стр. 4, 97.

⁶ Ю. М. Рапов, Была ли вервь «Русской Правды» патронимией? «Сов. этнография», 1969, № 3.

⁷ Там же, стр. 114—117.

⁸ Там же, стр. 113.

⁹ Б. Д. Греков, Указ. раб., стр. 79.

Какие факты позволили Ю. М. Рапову сделать столь решительный шаг? Оказывается, гипотезу о малой семье он построил, опираясь почти исключительно на археологические данные. Прежде чем разбираться в существе привлекаемого археологического материала, познакомимся с избранной Ю. М. Раповым методикой его использования. Забегая вперед, скажем, что по этой части мы находим здесь немало примеров, имеющих, к сожалению, не положительный, а отрицательный смысл.

Вооружившись находками, сделанными И. И. Ляпушкиным при раскопках городища Новотроицкого, Ю. М. Рапов пишет: «В ряде домов и хозяйственных помещений были найдены орудия сельскохозяйственного производства (сошники, косы, мотыги, топоры), что свидетельствует в пользу принадлежности орудий производства отдельным домохозяевам, а не коллективу обитателей городища¹⁰. Совершенно непонятно, откуда Ю. М. Рапов взял этот «ряд домов». Перечисленные им орудия сельскохозяйственного производства были в массе своей обнаружены вне полуземлянок и связанных с ними хозяйственных ям¹¹. Серпы же, о которых автор почему-то умолчал, все находились за пределами жилых и хозяйственных сооружений¹². Не случайно сам И. И. Ляпушкин, завершая обзор находок из железа, подчеркивает: «Все описанные выше вещи из железа были найдены в самых различных уголках территории поселения. В размещении их никакой закономерности не прослеживается, кроме разве одной: почти все они (за исключением нескольких вещей) найдены в культурных отложениях, вне границ жилых и хозяйственных построек»¹³.

Ю. М. Рапов утверждает: «К каждому жилищу примыкали одна или несколько хозяйственных ям, а также хозяйственные постройки небольших размеров»¹⁴. Достаточно даже беглого взгляда на общий план раскопа, чтобы убедиться в поспешности такого заключения. Некоторые жилища (например, № 13, 17, 27 и др.) вовсе не имеют ни ям, ни построек, другие (№ 12, 25, 22, 15) располагают одной лишь ямой¹⁵.

Далее Ю. М. Рапов продолжает: «Ярким свидетельством индивидуализации малых семей данного (Новотроицкого.—И. Ф.) городища являются клейма, нанесенные на донца глиняных лепных сковородок, найденных при раскопках»¹⁶. Если бы автор внимательнее отнесся к археологическому материалу, он непременно узнал бы, что сковородки с крестами были замечены в разных местах городища, что аналогичные сковородки встречались археологам в пунктах, отстоящих друг от друга на сотни километров¹⁷. Трудно поэтому поверить в одинаковые знаки собственности, сделанные разными хозяевами не только одного городища, но и других поселений, разбросанных на большом пространстве. Нельзя считать знаками собственности и отметины на пряслицах из поселений улицей на р. Тясмине, зарегистрированных Д. Т. Березовцом, поскольку не все они имеют эти отметины¹⁸. Если согласиться с Ю. М. Раповым, то как объяснить существование пряслиц, на которых нет никаких знаков? Кстати, Ю. М. Рапов знаком с книгой Г. Б. Федорова о населении Прутско-Днестровского междуречья в I тысячеле-

¹⁰ Ю. М. Рапов, Указ. раб., стр. 110.

¹¹ И. И. Ляпушкин, Городище Новотроицкое, М.—Л., 1958, стр. 15, 18, 20—21, 150.

¹² Там же, стр. 18.

¹³ Там же, стр. 24.

¹⁴ Ю. М. Рапов, Указ. раб., стр. 110.

¹⁵ И. И. Ляпушкин, Указ. раб., стр. 143 (см. также общий план раскопа, приложенный к книге).

¹⁶ Ю. М. Рапов, Указ. раб., стр. 110.

¹⁷ И. И. Ляпушкин, Указ. раб., стр. 42, 71, 98, 140.

¹⁸ Д. Т. Березовец, Поселения улицей на р. Тясмине, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее МИА), вып. 108, М., 1963, стр. 167.

тии н. э. Он мог бы там, между прочим, почерпнуть следующее: для славян Поднестровья VI—IX вв. характерно именно «отсутствие клейм мастеров и других знаков собственности»¹⁹. Однако Ю. М. Рапов не принял во внимание это весьма красноречивое указание.

Методика Ю. М. Рапова не меняется и при интерпретации археологических сведений, отображающих картину более позднего времени, — XI—XIII вв. Опираясь керамикой с клеймом, открытой В. В. Седовым на территории предполагаемого древнего села Дросенского, Ю. М. Рапов видит в этом лишнее доказательство существования частной собственности малых семей²⁰. Между тем В. В. Седов пишет: «Небольшая площадь раскопа, разновременность вскрытых построек, их небольшое число — все это не позволяет окончательно решить вопрос о значении гончарных клейм вообще. Во всяком случае, нет каких-либо серьезных оснований ни для отрицания вывода Б. А. Рыбакова, считающего их знаками гончаров-ремесленников, ни для утверждения, что это метки собственности владельцев сосудов»²¹. Сам В. В. Седов склонен толковать клейма как ремесленные знаки²². Но у Ю. М. Рапова об этом опять-таки нет ни слова.

Приведенные выше примеры приемов, используемых Ю. М. Раповым при исследовании и обобщении археологических данных, вынуждают признать его методику использования археологических источников неудачной, поскольку она страдает односторонностью (выборочностью), а в некоторых случаях даже искажением (возможно невольным) археологических данных.

Теперь о существовании археологического материала. Когда И. И. Ляпушкин, к которому безоговорочно присоединяется Ю. М. Рапов, доказывал, что восточные славяне накануне образования Древнерусского государства группировались в малые семьи (4—5 чел.) и соседские общины, он приводил два основных аргумента: небольшой размер жилых полуземлянок (10—20 м²), поставленных отдельно друг от друга, и малую, «миниатюрную» (выражение И. И. Ляпушкина) величину хозяйственных построек, примыкавших к жилищам²³. Но такое осмысление археологических памятников нам представляется формальным, потому что незначительные размеры жилых строений никоим образом не значат, что в них должны размещаться только самостоятельные малые семьи. В самом деле, как объяснить, к примеру, встречающиеся у трипольцев жилища-полуземлянки, сходные по площади с восточнославянскими? На ранне-трипольских поселениях попадаются полуземлянки размером 3,5×2,2; 6×3,8; 3,4×4 м и т. п.²⁴ По мнению Т. С. Пассек, полуземляночный тип жилища преобладал у ранних трипольцев, являясь пережиточной формой жилья еще со времен неолита²⁵. Во многих полуземлянках обнаружен богатый набор бытовых предметов и орудий труда. Для формальных обобщений всех этих признаков оказалось бы предостаточно, чтобы

¹⁹ Г. Б. Федоров, Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э., МИА, вып. 89, М., 1960, стр. 226.

²⁰ Ю. М. Рапов, Указ. раб., стр. 113.

²¹ В. В. Седов, Археологические разведки древнерусской деревни в Смоленской области, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры» (далее КСИИМК), вып. 68, 1957, стр. 110.

²² Там же.

²³ И. И. Ляпушкин, О жилищах восточных славян Днепровского Левобережья VII—X вв., КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 13; его же, Городище Новотроицкое, стр. 224; его же, Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства, Л., 1968, стр. 166.

²⁴ Т. С. Пассек, Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья, МИА, вып. 84, М., 1961, стр. 43—44. У ранних трипольцев имелись одновременно и большие жилые сооружения как полуземляночные, так и наземные, но это отнюдь не снимает вопроса о малых полуземлянках.

²⁵ Там же, стр. 39; Т. С. Пассек, Периодизация трипольских поселений, МИА, вып. 10, М.—Л., 1949, стр. 41.

пуститься в рассуждения о малой семье со всеми ее индивидуальными свойствами.

Возьмем другой пример, касающийся зарубинецкой культуры. Ее поздние представители (I—II вв. н. э.) обитали в жилищах полуземляночного вида, размеры которых колебались от 10 до 20 м²²⁶. Тем не менее социальные отношения у зарубинецкого населения развивались еще в рамках первобытнообщинного строя²⁷.

Не подводит к однозначному решению и планировка восточнославянских жилых помещений, стоявших врозь, не соединяясь никакими переходами. Большая семья, по наблюдениям Д. Я. Самоквасова, И. В. Лучицкого и А. Я. Ефименко, могла жить в нескольких стоящих отдельно домах²⁸. У кочевых и полукочевых народов прослеживается то же²⁹. Это происходит в результате складывания в семейной общине малой семьи, которая в недрах большесемейного коллектива получает известную самостоятельность, как бы обособляясь внутри родственного ей союза³⁰. Ее индивидуализация сопряжена с «локальным выделением в общесемейном жилище. Малая семья получает либо отдельное помещение в общем доме, что составляет более архаическую форму, либо более изолированное помещение в виде пристройки к основному жилищу, либо, наконец, отдельное строение на общесемейной усадьбе»³¹.

Если к сказанному добавить, что обособление малой семьи совершается сперва по линии потребления, тогда ни маленькие полуземлянки с очагами, ни сопутствующие им хозяйственные ямы не предопределяют исключительности каких-либо выводов, напротив, они дают равные основания для заключений как о большой семье, так и о малой. Примечательны в этой связи суждения Т. Н. Никольской, обследовавшей древнерусское селище Лебедку с его полуземляночными (4×4; 4×5; 3×2,2 м) и наземным (4×5 м) жилищами³². Отвечая на вопрос, кто владел домами на селище, она пишет: «... первоначально они принадлежали ближайшим родственникам, а впоследствии просто соседям»³³. Иначе, в них могла проживать как большая семья, так и малая. А это значит, что на основе одних лишь археологических источников воссоздать картину семейного быта у восточных славян VI—IX вв. и в Древней Руси X—XII вв. не представляется возможным³⁴.

Древние письменные памятники сохранили список названий родственников, входивших в восточнославянскую и древнерусскую семью. В недатированной части «Повести временных лет», где летописец бичует пороки древлян, северян, радимичей и вятичей, упомянуты родичи, образующие семейный круг. Перед нами проходят отец, мать (свекровь), сноха, деверь, т. е. большая семья³⁵. Контуры подобной семьи уверенно очерчивает церковный Устав Ярослава. Б. А. Романов, вникая во внутрисемейные раздоры и аморальные казусы, преследуемые по

²⁶ В. И. Бидзиля, С. П. Пачкова, Зарубинецкое поселение у с. Лютеж. МИА, вып. 160, Л., 1969, стр. 53; Ф. М. Заверняев, Почепское селище, там же, стр. 92.

²⁷ «Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР», М., 1956, стр. 526—527.

²⁸ Д. Я. Самоквасов, Семейная община в Курском уезде, «Записки Русского географического общества по отд. этнографии», т. 8, отд. III, СПб., 1878, стр. 12; И. В. Лучицкий, Сябры и сябринное земледелие в Малороссии, «Северный вестник», 1889, № 1, стр. 74; А. Я. Ефименко, Южная Русь, т. I, СПб., 1905, стр. 372.

²⁹ Н. А. Кисляков, Очерки по истории семьи и брака у народов Свелней Азии и Казахстана, Л., 1969, стр. 24, 26, 27.

³⁰ М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 61.

³¹ Там же, стр. 62.

³² Т. Н. Никольская, Древнерусское селище Лебедка, «Сов. археология», 1957, № 3, стр. 177—178.

³³ Там же, стр. 197.

³⁴ Ю. М. Рапов, к сожалению, опустил другие источники, что, конечно, нельзя признать правомерным.

³⁵ «Повесть временных лет», ч. I (далее ПВЛ, ч. I), М.—Л., 1950, стр. 14, 15.

Уставу, замечает: «Когда дерутся свекровь со снохой, деверь с ятровью,—это неразделившаяся по смерти отца семья в составе вдовы и взрослых сыновей, остающихся под одной крышей. Когда „блудят“ отец с „дщерью“, пасынок с мачехой („кто с мачехой впадает в блуд“), свекор со снохой или деверь не только с ятровью, но и с „падчерицею“,—то перед нами жив еще и отец, а выросло уже третье поколение»³⁶. По предписаниям первой статьи Краткой Правды, за убийство «мужа» полагается «мстить брату брата, или сынову отца, либо отцу сына, или брату чаду, либо сестрину сынову»³⁷. Еще К. С. Аксаков за составом кровных мстителей видел семью³⁸. Современный исследователь «Русской Правды» А. А. Зимин, комментируя эту статью, верно указывает, что «основой общества является уже не род, а большая семья»³⁹.

Обилие родственной терминологии, тщательная разработка названий родства, с какими мы сталкиваемся, изучая древнерусский период нашей истории, давно воспринимались учеными как явный признак бытования на Руси крупных родственных объединений⁴⁰.

Из статей «Пространной Правды», устанавливающих порядок наследования, явствует, что до смерти отца взрослые сыновья жили одной семьей с родителями⁴¹. В современной этнографической литературе подобные семьи именуются неразделенными, относящимися к переходной форме от больших семейных организаций к малым⁴².

Каждому типу семьи соответствуют определенные семейно-брачные отношения. Зная особенности последних, мы можем судить о характере первой. По уверению летописца, восточнославянские племена, за исключением «кротких» полян, брака не знали, «но умыкиваху у воды девица»⁴³, причем держали «по две и по три жены»⁴⁴. Б. Д. Греков усматривал в этом указание на «полигамную патриархальную семью. а может быть и парный брак»⁴⁵. Не надо думать, будто похищение женщин и многоженство исчезли с образованием Древнерусского государства. Церковный Устав князя Ярослава специально останавливается на случаях многоженства, многомужества, умычке «девок», нередко практиковавшихся в обществе, ставшем на путь христианизации, но не желавшем отказываться от прежних форм брачных связей⁴⁶. Памятник более поздний — уставная грамота князя Ростислава — тоже содержит сведения о тех, кто «водит две жоне» или «уволочет девку»⁴⁷.

Расхваливая полян, иннок-летописец с удовлетворением говорит: «брачный обычай имяху: не хожаше зять по невесту, но приводяху вечер, а заутра приношаху по ней что владуче»⁴⁸. В. О. Ключевский, оперируя Ипатьевским вариантом «Повести временных лет», выражение «на ней» переводил как «за нее»⁴⁹. Если полагаться на Ипатьевский список,

³⁶ Б. А. Романов, Люди и нравы Древней Руси, М.—Л., 1966, стр. 199.

³⁷ «Правда Русская», т. I. Тексты, М.—Л., 1940, стр. 70.

³⁸ К. С. Аксаков, Полн. собр. соч., т. I, М., 1889, стр. 105.

³⁹ А. А. Зимин, Феодалная государственность и Русская Правда, «Исторические записки», т. 76, 1965, стр. 231.

⁴⁰ См., например: П. А. Лавровский, Коренное значение в названиях родства у славян, СПб., 1867, стр. 4.

⁴¹ «Правда Русская», т. I, стр. 114—116.

⁴² Н. А. Кисляков, Указ. раб., стр. 20, 21; Я. Р. Винников, Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР, М., 1969, стр. 228.

⁴³ ПВЛ, ч. I, стр. 15.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Б. Д. Греков, Указ. раб., стр. 79; М. М. Ковалевский толковал эти факты как пережиток матриархата и свидетельство существования полигамии у древних славян (М. М. Ковалевский, Очерк происхождения и развития семьи и собственности, М., 1939, стр. 44, 97).

⁴⁶ «Памятники русского права», вып. I, М., 1952, стр. 267, 268.

⁴⁷ «Памятники русского права», вып. II, М., 1953, стр. 41.

⁴⁸ ПВЛ, ч. I, стр. 14, 15.

⁴⁹ В. О. Ключевский, Соч., т. I, М., 1956, стр. 122.

нужно признать, что в нем имеется древнейшее сведение о вене — выкупе, уплачиваемом за невесту. Но «брак покупкой — классическая форма брака периода господства патриархальных семейных общин; эта форма брака продолжает в какой-то мере сохраняться и позднее, при разложении патриархальной общины и становлении малой семьи»⁵⁰. К какому же периоду следует отнести брак покупкой, засвидетельствованный летописью? Очевидно, к первому, ко времени господства патриархальных семейных общин, ибо летописец подает нам эту форму брака как наиболее типичную, даже всеобъемлющую.

Ю. М. Рапов убежден, будто «под термином „дым“, по крайней мере у тех славян, которые жили на юге Восточной Европы, мог подразумеваться только отдельный дом малой семьи с печью (больших домов на юге при раскопках обнаружено не было), независимый в хозяйственном отношении от других таких же домов-хозяйств»⁵¹. Собранные выше показания источников о больших семейных объединениях в восточнославянском обществе делают это предположение М. Ю. Рапова спорным⁵². И уже совсем неверным является утверждение автора, что де «дань с восточнославянских племен в IX—X вв. собиралась как на юге, так и на севере с отдельных „дымов“»⁵³, ибо, по рассказу «Повести временных лет», хазары брали дань с вятичей от «рала»⁵⁴. А. Л. Шапиро, изучавший единицы обложения в Древней Руси, пришел к обоснованному выводу, что первоначальные соха, плуг и выть были единицами обложения больших или неразделенных семей⁵⁵.

Итог всех предшествующих рассуждений недвусмыслен: большая семья на Руси X—XII вв. — заурядное явление. В этом отношении Русь не отличалась своеобразием. В средневековой Норвегии XI—XII вв. большие патриархальные семьи, вбивавшие в себя представителей трех поколений, встречались часто⁵⁶. Рядовым явлением они были также в Византии⁵⁷ и византийских областях Южной Италии⁵⁸, в Болгарии⁵⁹, Хорватии⁶⁰. Большесемейные объединения превосходно известны варварским Правдам, и письменная история застаёт их у алеманнов и баваров⁶¹, бургундов⁶², лангобардов⁶³, саксов⁶⁴, салических франков⁶⁵.

Помимо большой семьи, Древняя Русь создала вервную организацию — вервь «Русской Правды». Длительное время наши историки эволюцию общины изучали по двум звеньям: общине кровнородственной и соседской⁶⁶. Благодаря работам отечественных медиевистов, в

⁵⁰ Н. А. Кисляков, Указ. раб., стр. 66.

⁵¹ Ю. М. Рапов, Указ. раб., стр. 112.

⁵² Термин «дым», как известно, обозначал и большесемейную домовую общину. См.: М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 48.

⁵³ Ю. М. Рапов, Указ. раб., стр. 111, 112.

⁵⁴ ПВЛ, ч. I, стр. 47.

⁵⁵ А. Л. Шапиро, Средневековые меры земельной площади и размеры крестьянского хозяйства в России, «Проблемы отечественной и всеобщей истории», Л., 1969, стр. 59—79.

⁵⁶ А. Я. Гуревич, Большая семья в северо-западной Норвегии в раннее средневековье, «Средние века», вып. VIII, М., 1956, стр. 76.

⁵⁷ А. П. Каждан, Деревня и город в Византии IX—X вв., М., 1960, стр. 32—35.

⁵⁸ М. Л. Абрамсон, Крестьянство в византийских областях Южной Италии, «Византийский временник», VII, 1953, стр. 166—168.

⁵⁹ Г. Г. Литаврин, Крестьянство Западной и Юго-западной Болгарии в XI—XII вв., «Уч. записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. XIV, 1956, стр. 230.

⁶⁰ Ю. В. Бромлей, Становление феодализма в Хорватии, М., 1964, стр. 127—197.

⁶¹ А. И. Неусыхин, Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII вв., М., 1956, стр. 56, 58, 328—330.

⁶² Там же, стр. 285—287.

⁶³ Там же, стр. 233.

⁶⁴ Там же, стр. 155.

⁶⁵ Там же, стр. 76—77.

⁶⁶ Б. Д. Греков, Указ. раб., стр. 73—96; В. В. Мавродин, Очерки истории СССР. Древнерусское государство, М., 1956, стр. 47—49; П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, М., 1953, стр. 260—296; С. В. Юшков, Общественно-полити-

литературе стала утверждаться теория о трех этапах в развитии общинного строя: община кровнородственная, земледельческая (сельская) и марка⁶⁷. Что касается кровнородственного союза, то он распадается в свою очередь на два типа: общину родовую и большесемейную⁶⁸. В связи с этими переменами, происшедшими в советской исторической науке, В. В. Дорошенко справедливо заметил, что ныне было бы анахронизмом говорить «о прямом переходе от родовой общины к соседской (минуя стадию „земледельческой общины“, по терминологии Маркса)...»⁶⁹.

О верви «Русская Правда» говорит скупым языком, но общий тон, впрочем, позволяет предположить, что вервный союз — учреждение, корнящееся в обычаях⁷⁰. Вервь занимала пространную территорию, принадлежащую ей как самодовлеющему организму. Последнее непосредственно вытекает из слов: «... вивевную платити, в чьей верви голова лежить»⁷¹. Однако несколько странное впечатление оставляет эта обобщенная формула, если ее рассматривать под углом зрения соседской общины. Ведь в соседской общине часть земли находится в частной собственности. Поэтому достаточно было обнаружить труп на этой земле, чтобы стало ясно, кого подозревать. «Русская Правда», как видим, не учитывает такого варианта. Что это — несовершенство юридического мышления или же нечто другое, предостерегающее нас от отождествления верви с соседской общиной?!

Учеными давно замечено, что в «Русской Правде» термин «вервь» и «люди» порой совпадают друг с другом. Уже этого на поверхности лежащего факта достаточно, чтобы отложить мысль о верви как коллективе исключительно семейном и родственном. Лексика древнерусских памятников для обозначения родственных отношений в аспекте собирательном предоставляет понятия «род»⁷², «родин»⁷³, «ближние»⁷⁴. Следовательно, термин «люди», обращенный кодификатором к верви, затрудняет ее разумение только в родственном смысле. Но мы поспешим, если станем изображать вервь сугубо территориальной организацией. Этому препятствует принцип коллективной ответственности, пронизывающий красной нитью законоположения о верви. Конечно, сама по себе коллективная ответственность, круговая порука не разрешает загадку о древнерусской верви, так как и позднейшая община хорошо с ней знакома. Весьма существенно то, что в «Русской Правде» эта ответственность выступает с одним любопытным свойством: вервь помогает «головнику», изблеченному в преступлении, чего не заметно в последующих юридических памятниках, устанавливающих индивидуальную ответственность преступника. «Русская Правда» постановляет: «Будет ли головник их в верви, то зане к ним прикладывает, того же деля им помагати головнику, либо си дикую виру, но сплатити им вообчи 40 гривен, а голозничество, а то самому головнику, а 40 гривен ему заплатити ис дружины свою часть»⁷⁵. Вот эта помощь в уплате виры при наличии самого убийцы

ческий строй и право Киевского государства, М., 1949, стр. 86—88; «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР», М., 1958, стр. 831—878; «История СССР», т. 1, М., 1966, стр. 354—359.

⁶⁷ См.: А. И. Неусыхин, Структура общины в Южной и Юго-Западной Германии в VIII—XI веках, «Средние века», вып. IV, 1953, стр. 35.

⁶⁸ Л. С. Васильев, Социальная структура и динамика древнекитайского общества, «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. I, М., 1968, стр. 471—474.

⁶⁹ В. В. Дорошенко, З. К. Янелъ. Заметки о новой литературе по истории феодальной России, «История СССР», 1968, № 5, стр. 152.

⁷⁰ См.: Ф. И. Леонтович, О значении верви по Русской Правде и Полицкому статуту сравнительно с задругою юго-западных славян, «Журнал Министерства народного просвещения», 1867, вып. IV, стр. 2.

⁷¹ «Правда Русская», т. I, стр. 115.

⁷² ПВЛ, ч. I, стр. 51.

⁷³ Там же, стр. 119.

⁷⁴ Там же, стр. 37; «Правда Русская», т. I, стр. 115.

⁷⁵ «Правда Русская», т. I, стр. 104.

и отличает круговую поруку, которую осуществляла вервь, от круговой поруки соседской общины последующих времен.

Чем же объяснить такую особенность? Не чем иным, как сохранением в верви родственных связей. Не противоречит ли этому предположению статья 8 Пространной Правды, в соответствии с которой «людьє» должны помогать лишь тому, кто «вложиться в дикую виру»⁷⁶. Ю. М. Рапов усматривает в данной статье «право каждого члена верви отказаться от вклада в «вервную кассу»⁷⁷. Нам кажется более правдоподобной иная ситуация, когда принятый в общину чужак не успел или не сумел «вложиться» в «дикую виру» и тем самым заручиться поддержкой верви на случай необходимости платы штрафа. Проникновение в вервь чужеродцев нарушало ее кровнородственную схему, приравнивая родственную вервь к соседским интересам. В старой общине происходила перегруппировка составных элементов, что находило отражение в функционировании коллективной ответственности: суживаясь, она постепенно превращалась в паллиативную меру. В этой фазе, вероятно, мы и застаем круговую поруку в Пространной Правде.

Стало быть, проявление коллективизма выражало специфику социальной структуры верви, объясняемую кровнородственными отношениями, определявшими в немалой мере строй древнерусской верви⁷⁸. Но упомянутый коллективизм ко временам Пространной Правды утратил былую первозданность и под напором новых течений, прибывавших к верви чужаков, которые разлагали ее кровную целостность, начал исчезать, пока не пропал окончательно. «Русская Правда» еще застигла его, но в половинчатом, стесненном договорными новшествами виде. Вервь Русской Правды, очевидно, сочетала в себе и родственные, и соседские связи, занимая промежуточное положение между общиной семейной и территориальной, т. е. была общиной сельской, а не соседской. Она совмещала признаки семейной и соседской общины, будучи переходной формой от общины родственной к общине территориальной.

THE FAMILY AND THE *VERV'* IN RUSSIA OF THE KIEV PERIOD

(APROPOS OF THE ARTICLE BY Yu. M. RAPOV)

Two important links in the social structure of Russia of the Kiev period are examined in the article: the family and the peasant community (*verv'*). A complex analysis of varied materials (data from written sources, ethnographical and archaeological materials) allowed the author to reach the conclusion that although the nuclear family existed in Russia of the Kiev Period, the joint family was the predominant form. The Early Russian community (*verv'*) combining both kinship and neighbourhood ties held an intermediate place between the family community and the territorial community and thus represented a transitional form

⁷⁶ Там же, стр. 105.

⁷⁷ Ю. М. Рапов, Указ. раб., стр. 116.

⁷⁸ Кровнородственной основе древнерусской верви несколько не противоречит и то, что в некоторых случаях преступник вместе с женой и детьми подвергается «поток и разграблению». Это предписание Пространной Правды может быть понято как свидетельство уже произошедшей индивидуализации малых семей в рамках родственного коллектива, что подтверждается и самим наказанием («поток и разграбление»), заключавшимся в сожжении или разрушении дома преступника и изгнании его из верви. См.: М. Н. Тихомиров, Пособие для изучения Русской Правды, М., 1953, стр. 89.